

Письма ЭС.

1/1 pp

На рубеже двух годов в ленинградском Большом концертном зале «Октябрьский» проходят концерты Эдиты Станиславовны Пьехи, которая выступает с новой программой, названной ею «Моим друзьям». Кстати, вокруг названия возникли вдруг сложности. Дело в том, что билеты на все девять концертов были раскуплены в считанные часы

первого дня продажи и администрация «Октябрьского» попросту не успела оставить для певицы сотню билетов, которые она хотела раздать знакомым и близким людям. Близкие поначалу обиделись, а потом пришли поздравлять: значит, и сегодня Пьеха имеет не сотню, а многие и тысячи верных друзей.

— Но я и петь тоже хочу.
— Тогда пойте.

Разговор в таком роде тянулся стоить долго, что министр не выдержал: при условии, что Пьеха будет сдавать экзамены на «отлично», разрешил ей считаться первой и единственной заочницей философского факультета. Так все и было в дальнейшем, только вот диплом она защитить не успела — у Эдиты Станиславовны и А. Броневицкого родилась dochь Илона. Пять лет после этого университет посыпал приглашения одной из лучших своих

втествовало — «буржуазной» певицей). А в результате — еще большая популярность, хотя и сопровождалась домыслами, слухами. Дошло до того, что многие запутались даже в происхождении Пьехи. В самом деле: родилась во Франции, жила в Польше, стала русской советской певицей... Не очень понятно, тем более на фоне будоражащей, почти несравнимой известности.

И вдруг после двадцати лет напряженной эстрадной работы, сопутствующих радостей и неприятностей — творческий, да

ни яблоко она попробовала в девять лет. После войны мать с отчимом переехали в Польшу, Эдита училась в школе, училась неважно, пока не открыла в себе внутренний голос, который спросил у нее только два слова: «Не стыдно?» И ей в самом деле стало вдруг стыдно, она занялась учебой, после школы поступила в педагогический лицей, который окончила с отличием, а затем на всепольском конкурсе добилась права поступить в советский вуз, где, кстати, за первые же студенческие полгода, впервые не голодая, правилась на двенадцать килограммов.

ТЕПЕРЬ о том, что мы пока в Пьехе не знаем, — о десятилетии ее жизни после разрыва певицы с ансамблем «Дружба». Оно не было вре-

мене песни и прямой разговор с публикой, первая исполнительница первого советского творца («Я иду и пою») и первой популярной песни на стихи Мариной Цветаевой («Горечь»).

Пьеха стала и первой из советских эстрадных звезд, выступивших в Афганистане после апрельской революции 1978 года, еще до введения туда наших войск. Бывая позже на афганской земле, мне доводилось слышать о Пьехе, между прочим, певшей там на девяти (!) языках, включая пушту и дари, воспоминания, граничащие с легендами: руководители государства устраивали в ее честь приемы, мужчины этой строгой мусульманской страны на концертах вставали и кланялись женщине-певице. Талант советской артистки словно бы слился с

ним карандашом, последняя запись: «Савичевы умерли все. Осталась одна Таня» хранится в мемориальном здании Пискаревского кладбища.

Пьеха задержалась в Шатках, нашла в архивах бывшего детского дома две короткие строчки о Тане: «Принята на довольствие», «Снята с довольства» с датами 1944 года, нашла и медсестру, на руках которой умерла истощенная после блокады девочка. Вскоре в репертуаре Пьехи появилась потрясающая слушатель «Баллада о Тане Савичевой», а в Шатках поднялся памятник детям, погибшим в годы Великой Отечественной. Первый взнос на него сделала певица, считающая себя, как и Таня, навсегда ленинградкой.

Да и в родном городе Пьеха нашла людей, кому оказалась особенно необходимой как старший друг, как артистка, как мать, — мальчиков и девочек из ленинградского детского дома № 53. Сама полусирота, не имевшая в детстве ни игрушек, ни хлеба, Пьеха ездит туда петь в будни и в праздники, привозя с собой игрушки и «что-нибудь вкусненькое», но только чтобы обязательно хватило на всех, чтобы не было обделенных. Появилась и песня об этих детях — «Мама не приходит», написанная музыкантами ее нового ансамбля, впервые прозвучавшая в нынешних новогодних концертах.

Вот какими были у Пьехи годы относительного снижения популярности на внутрисоюзной эстраде, годы поиска новых песен и новых друзей, и одновременно годы возвращения к истокам и сущности искусства.

и выпускниц, чтобы пришла, защищила диплом, но Пьеха узнала об этом то на гастролях внутри страны, то перед концертом в парижской «Олимпии», то в Каннах, то на съемках для телевидения или на записи очередной пластинки-гиганта...

и человеческий тоже разрыв с «Дружбой», десятилетний поиск своего нового места в искусстве и в жизни, и как итог, как награда — нынешний, снова новогодний триумф Пьехи в «Октябрьском»...

Впрочем, от «прошлой себя» она не отказывается. Оба отделения новой программы открываются фантазиями на темы песен пятидесятых — семидесятых годов. Да, молодежь их не знает, не слышала, но для тех, кто постарше, они памятны и близки. А в новых песнях — действительно новая Пьеха, не столько модная певица, «звезда», сколько живой человек с нелегкой, сложной, глубокой судьбой.

Нет, она не француженка и не дочь русских эмигрантов. Родители — Станислав Пьеха, шахтер и Фелиция Карлевская — оба поляки, но встретились и поженились во Франции, куда приехали искать работу. Там, в небольшом шахтерском городке Нуэль-Ляне и родилась Эдита — за два года до второй мировой войны. Помнит себя с четырех лет: с похорон отца и старшего брата Павла, который уже в четырнадцать лет трудился на шахте и умер от перегрузок, недоедания и туберкулеза. Всегда голодной просла и Эдита, первое в жиз-

неменем творческого простория или даже только поиска «нового я». В эти годы Эдита Станиславовна вдруг поняла и осознала себя как солдата — слово, которое в дни наших встреч она повторила неоднократно: «Я просто солдат, я служила, отдавала людям то, что у меня есть, то, что могу, отдавала и ждала новых приказов», «В искусстве надо идти, как солдаты ходят в разведку, надо искать и сражаться». Запомнилась и еще одна ее фраза с армейским уклоном: «Спасибо Госконцерту, что часто посыпал меня первой, в прорыв...

Так было, например, два года назад, когда временно испортились отношения с США, даже наши самолеты туда не летали. Госконцерт все же послал Пьеху на гастроли в Америку, и после нескольких выступлений американцы предложили ей петь в знаменитом Карнеги-холле — первое подобное предложение артистам советской эстрады.

Первой она вообще бывала часто, причем начальные первенства Эдита Станиславовна перечисляет с улыбкой: первая «безголосая» певица на эстраде, первая «микрофонная», первая, снявшая микрофон со стойки и пошедшая в зал, первая, чередующая на

национальным качеством большинства афганских людей — талант сопереживания. Однажды Пьеха выступала перед афганскими военными вертолетчиками, которым уже довелось побывать в боях разгорающейся необъявленной войны, пела песню «Огромное небо» на стихи Р. Рождественского и едва сумела ее закончить: музыкальную и голосовую имитацию взрыва при падении самолета слушатели приняли за реальность...

Через четыре года Эдита Станиславовна снова приехала в Афганистан, и уже советские вертолетчики попросили ее спеть «Огромное небо» — в память друзей, погибших за час до концерта. И снова исполнение чуть не прервалось: теперь уже певица не могла сдержать слез, потому что сама видела, как падал и горел возле аэропорта тот вертолет, как вытаскивали из него молодых обожженных парней. Слушали песню стоя.

Почти подобное потрясение испытала Пьеха и в рядовых, казалось бы, гастролях по Горьковской области. Там, в рабочем поселке Шатки, ей показали скромную могилу Таны Савичевой — ленинградской девочки, чей блокадный дневник (листочки с неровными буквами, написанными си-

ДИАЛОГ ПОСЛЕ КОНЦЕРТА *Ваш выход, Эдита!*

МИНУВШИЙ год был для певицы юбилейным: ей исполнилось — своего возраста Эдита Станиславовна не скрывает — пятьдесят лет, а программа «Моим друзьям» отметила ее тридцатый артистический сезон. Да, тридцать лет назад, выбрав на эстраде профессионализм, Пьеха перевелась с одного отделения философского факультета Ленинградского университета на несуществующее заочное. К этому парадоксу еще вернулся, а пока скажу, что главный шаг на эстраду она все же сделала двумя годами раньше — в новогодний вечер с 1955 на 1956 год, когда в Голубом зале Ленинградской консерватории Эдита по-польски — русский она еще только учла — спела веселую песню «Автобус червоный». Бисировала эту песню четырежды, и уже на следующий день о прекрасной талантливой незнакомке заговорил артистический Ленинград.

Для нее же внимание и признание показались нереальностью, незаслуженной сказкой. Но вскоре юную Пьеху и еще безымянный в ту пору студенческий ансамбль консерватории (позже его назовут «Дружба») пригласили на съемки документального фильма с невероятным для начинающих артистов названием «Мастера ленинградской эстрады», а затем в том же 1956 году артель «Пластмасс» Ленгорпромсовета записала и выпустила две их пластинки, которые Эдита успела получить до своих первых студенческих каникул и повезла к матери, в Польшу. Любопытно, что настороженные в те времена таможенники хотели эти пластинки изъять, и Пьехе, чтобы доказать, что она обоснованно вывозит их за рубеж, пришлось наизусть пропевать записанные на пластинках песни.

Вернувшись с каникул, опять учились и пела. Но лекции и конспекты все чаще накладывались друг на друга, появился тройки, незачеты, «хвосты». Вот тогда она и поехала на прием к министру, в Москву. Три ночи провела на вокзале, три дня просидела в приемной, а затем произошел смешной разговор с министром, который Эдита Станиславовна помнит и любит цитировать:

— Что вы хотите? Повторяю, на вашем факультете заочного отделения нет.

— Хочу учиться.

— Ну и учитесь.

А ЗАГОЛОВОК для этого рассказа о прекрасной советской певице Э. С. Пьехе придумал не я. Он взят из песни автора-исполнителя А. Лобановского, которую он за неделю до нынешних новогодних праздников подарил Пьехе, и которую Эдита Станиславовна, попросив изъять из текста некоторые, на ее взгляд, « явные преувеличения », поставила в авторском исполнении на открытие своей новогодней программы. Дело в том, что ей понравились строчки, где угадывается сравнение ее и солдатской судьбы: « Прекрасный наряд твой — твой строгий мундир, летящее платье — твой вечный мундир... » А рефрен « Ваш выход, Эдита » звучит для нее приказом, которому она с благодарностью подчиняется все свои тридцать сценических лет.

В. ВЕРСТАКОВ.
(Спец. корр. «Правды»)
г. Ленинград.